

О методологически неверных основаниях т.н. «неоэкономики».

Обращение к данной теме вызвано тем, что некоторые исходные положения экономического течения, которому его отцы-основатели (как с долей самоиронии выразился М. Хазин) дали название «неоэкономика», взяты ими без достаточного критического осмысления, как постулаты, истинность которых логически доказывать не нужно. Разумеется, что в любом научном исследовании некоторые отправные моменты, достоверность которых предполагается уже доказанной, берутся априори. Но в данном случае это весьма сомнительный подход, поскольку положения, которые авторы неоэкономики полагают краеугольными камнями своей концепции, совершенно неочевидны и основывать на них концепцию весьма недальновидно и неосторожно. Постараемся показать это логически.

Объясняя основоположения неоэкономики М. Хазин пишет:

«Наш вариант экономической теории капитализма - неоэкономика - говорит о том, что механизм развития при капитализме - это углубление разделения труда. Есть углубление - есть развитие, нет углубления - начинается кризис». (<http://worldcrisis.ru/crisis/1276927>).

«...ключевым элементом неоэкономики является мысль о том, что базовым механизмом развития современного капитализма является углубление разделения труда (РТ). Это стало понятно достаточно давно (напоминаю, об этом писал еще Антонио Серра в начале XVII века), к концу XVIII века Адам Смит сделал еще один очень важный вывод: что углубление РТ идет в экономической системе не бесконечно, а рано или поздно останавливается, причем чем больше эта система, тем глубже заходит в ней процесс РТ до своей остановки». (<http://worldcrisis.ru/crisis/1763699>).

Прервём цитирование и обратимся к А. Смигу: «Так как возможность обмена ведет к разделению труда, то степень последнего всегда должна ограничиваться пределами этой возможности, или, другими словами, размерами рынка». (Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. Соцэкгиз, 1962. С. 30).

Во-первых, как видим А. Смит не утверждал, что «углубление РТ идет в экономической системе не бесконечно, а рано или поздно останавливается».

Во-вторых, прочтём А. Смита логически последовательно:

1. «возможность обмена (которая фактически соответствует размеру рынка) ведёт к разделению труда» – т.е. к появлению новых производителей и тем самым, как следствие, увеличению размера рынка, на который выходят новые производители;

2. одновременно разделение труда «ограничивается... размерами рынка» – но поскольку размер рынка увеличился вследствие увеличения разделения труда и появления новых участников рынка, то, если следовать из посылки в п. 1, увеличившийся размер рынка приведёт к новому увеличению разделения труда;

3. цикл повторяется.

Похоже, что отцы-основатели неоэкономики в А. Смита не вчитались.

Вследствие неясности смитовского утверждения приведём его в явной форме, – насколько обмен влияет на разделение труда, настолько и разделение труда влияет на обмен, – это тождественные общественные феномены, один без другого невозможен. Другими словами обмен и разделение труда взаимно обуславливают друг друга – движется, изменяется одно, тут же изменяется и другое. Упомянутые процессы диалектически взаимозависимые.

Но даже если бы А. Смит утверждал то же, что и отцы-основатели, то это было бы поводом только к тому, чтобы проверить его *гипотетическое* предположение (в лучшем случае эмпирическое наблюдение) *логическим* анализом, а не принимать его на веру, учитывая глубокую давность предположения и совершенно иные *исторические* условия бытия современного капитализма. М. Хазин, делая периодически реверансы в сторону Маркса, почему-то в данном случае игнорирует его метод, заключающий в историчности и конкретности анализа и критическом отношении к любым априорным утверждениям.

Продолжим цитирование авторов неоконномики.

«Причин этого явления (остановки РТ) можно назвать несколько, я дам, как мне кажется, самую простую (хотя и не уверен, что сам Смит именно ее имел в виду, когда делал свой вывод): углубление разделения труда, повышая производительность, увеличивает риски конкретного производителя, который вынужден встраиваться во все более и более сложную технологическую цепочку. В результате, сложность системы увеличивается, производительность в ней растет, но общее развитие системы постепенно останавливается в результате того, что ее отдельные элементы по очереди «выпадают» из рентабельности» (<http://worldcrisis.ru/crisis/1763699>).

Здесь целый ряд противоречий.

Во-первых, почему «углубление разделения труда, повышая производительность, увеличивает риски конкретного производителя»?

Ведь более высокая производительность влечёт меньшие издержки и, соответственно, увеличение прибыли. Более высокая, по сравнению с другими производителями, прибыль как раз является весьма весомым фактором снижения рисков, а не наоборот. И ещё, любой производитель «встраивается в технологическую цепочку» не наобум, а предварительно оценив риски и более высокая прибыль полностью нивелирует эти риски.

Во-вторых, почему «отдельные элементы по очереди «выпадают» из рентабельности» и «общее развитие системы постепенно останавливается» если «сложность системы увеличивается и производительность в ней растет»?

Авторы концепции объясняют это таким образом: «...углубление разделения труда ведет к повышению рентабельности системы в целом, однако количество элементов, ее составляющих при этом тоже растет (при этом относительно быстрее, чем общая рентабельность), и их индивидуальная эффективность при этом падает. Если бы работал механизм совершенной конкуренции, который распределял бы конечную рентабельность системы поровну между всеми ее элементами, то был бы шанс продолжать развитие, но даже минимум конкуренции в условиях падающей рентабельности отдельного элемента приводит к тому, что отдельные элементы системы переходят к убыткам - и вся технологическая цепочка останавливается (вообще-то цепочка рвётся, а не останавливается, останавливается процесс, но это к слову – прим. моё)».

Заметим, что углубление разделения труда ведёт к повышению рентабельности, в первую очередь, тех производителей, которые, уловив тенденцию развития производства, используют фактор разделения труда в целях снижения издержек (повышение производительности ведёт к тому же). Их индивидуальная эффективность растёт (вспомним Маркса – эффективнее тот производитель, который извлекает больше прибыли на вложенный капитал). Но вот повышается ли эффективность, рентабельность системы в целом априори трудно сказать, ведь есть ещё неэффективные в отмеченном смысле производители.

Да, количество элементов системы может расти, но индивидуальная эффективность падает не у всех производителей, а только у более отсталых. И как раз они удаляются с рынка вследствие действия механизма конкуренции, пусть даже и несовершенного, тем самым количество элементов уменьшается. Именно в этом суть действия механизма конкуренции, а не в мифическом «распределении конечной рентабельности» (кстати, хотелось бы узнать, каким образом пресловутая конкуренция заставляет более рентабельных производителей отдавать часть своей прибыли менее рентабельным и т.о. «выравнивать» рентабельность, как это предполагают авторы неоконномики). И именно более отсталые производства «переходят к убыткам» и уходят с рынка, но это не приводит к разрыву технологической цепочки, поскольку на их место становятся новые рентабельные производства с новым разделением труда. Тем более не уходят из технологического процесса критически важные производители, даже несмотря на низкую рентабельность. (Сам М. Хазин это прекрасно понимает: «С точки зрения концепции падения эффективности капитала это естественно: если некоторые производства являются принципиально

необходимыми, то их нужно финансировать независимо от того, рентабельны они или нет». (<http://worldcrisis.ru/crisis/1763699>).

Авторы неоконномики ссылаются также в обоснование своей правоты и на Р. Люксембург: «В процессе осмысления этого кризиса мы поняли, что значительная часть той идейной базы, на которой был достигнут наш результат, существовала уже в начале XX века, в работах Розы Люксембург» (<http://worldcrisis.ru/crisis/1763699>), «...эту тему в рамках марксизма развивала в конце XIX - начале XX Роза Люксембург» (<http://worldcrisis.ru/crisis/1060229>).

Очевидно, имеется ввиду работа Р. Люксембург «Накопление капитала». Но, во-первых, в этой работе Розу интересует не проблема разделения труда как таковая, а совершенно другая проблема – проблема источника денег для реализации прибавочной стоимости. Каким образом это коррелирует с концепцией авторов неоконномики могут сказать только они сами. Во-вторых, опровержение выводов Р. Люксембург, пытавшейся доказать якобы ошибку Маркса, осуществлялось неоднократно (например, [здесь](#)¹ и [здесь](#)²).

Как видим, некритическое восприятие и использование отцами-основателями неоконномики некоторых предположений и концепций, высказанных, хотя и весьма авторитетными авторами, но не прошедших проверку логической достоверности, себя совершенно не оправдывает.

Теперь обратимся к собственно понятию разделения труда. Поскольку главным фактором развития капиталистической экономики авторы неоконномики полагают разделение труда, то, и это совершенно очевидно, следует определить, что же это такое. Ведь без понимания сущности этого общественного феномена невозможно строить на этом основании экономическую теорию.

Вот что говорит один из отцов-основателей неоконномики О. Григорьев: «Многие спрашивают: определите, наконец, что такое разделение труда. Разделение труда – это тоже процесс. *Про разделение труда можно рассказать рассказ, но невозможно определить* (выделено мной). Собственно, сам рассказ и есть определение разделения труда. А без такого рассказа любое определение будет достаточно бессмысленным и непродуктивным» (<http://worldcrisis.ru/crisis/1242530>).

Как же так, то, что невозможно определить, закладывается в основание экономической теории – вот так наука!

Но слушаем далее: «Давайте подумаем, что такое вообще разделение труда, оно о чем. Разделение труда – это, в первую очередь, упрощение деятельности. Вот мы имеем более 200-х лет глобальной тенденции упрощение всего и вся» (там же).

Т.е. пахать на компьютеризированном тракторе проще, чем идти за сохой, а управлять обрабатывающим центром проще, чем махать молотом в кузне? Ну и ну, без комментариев...

М. Хазин, надо отдать ему должное, до таких примитивных суждений, не сказать теоретической пошлости, не опускается и ссылается на Большую Советскую Энциклопедию. Но в БСЭ феномен разделения труда рассматривается как некая данность, с внешней стороны, без анализа его внутренней сущности и общественных связей, порождаемых разделением труда и одновременно порождающих его и без которых ни о каком разделении труда не может быть и речи.

По указанной причине в дальнейшем под разделением труда будем понимать трактовку этого общественного явления, логически проанализированного с точки зрения его внутренней диалектики в статье: http://up-stream.moy.su/publ/teorija/o_razdelenii_truda/2-1-0-12.

Приведём из неё краткую характеристику феномена разделения труда: «...сущность феномена разделения труда заключается в двух диалектически взаимосвязанных процессах:

¹ <http://propaganda-journal.net/8818.html>.

² http://up-stream.moy.su/load/analitika/o_rabote_r_ljuksemburg_quot_nakoplenie_kapitala_quot/2-1-0-2.

- *экономическое* разделение труда, определяемое *стоимостной формой* продукта труда, которая детерминирует формы разделения труда с точки зрения достижения максимальной эффективности капиталистически ведущегося производства (в интересах получения максимальной прибыли);

- *техническое* разделение труда, определяемое *материальной формой* продукта труда, а также уровнем развития средств производства и технологий и состоящее в разделении труда таким образом, чтобы оно соответствовало экономической потребности разделения труда.

При этом процессы разделения труда детерминируются господствующими общественными отношениями, без учёта сущности и формы которых анализ феномена разделения труда будет не просто неполным, а искажённым, неистинным. В свою очередь, процессы разделения труда оказывают обратное влияние на общественные отношения, создавая условия для их изменения. Обе упомянутые стороны находятся в постоянном диалектическом взаимодействии».

Что касается предела углубления разделения труда, то «...ограничивать разделение труда с экономической стороны будут те же факторы, которые ограничивают возможности получения разными производителями разной прибыли и, т.о., действуют как ограничители конкуренции. Другими словами, только монополизация как производства, так и капитала выступает самым действенным ограничителем разделения труда в капиталистическом производстве. Но и в этом случае разделение труда полностью не остановится, а будет диктоваться интересами монополий. Поскольку теперь монополия, а не рынок и условия конкуренции определяет величину прибыли, то в этих условиях детерминирующим фактором в разделении труда снова выступает технический аспект, т.е. материальная форма продукта труда.

Т.о. до полной, в масштабах всей экономики, монополизации производства экономическая форма разделения труда и детерминируемая ею техническая форма разделения труда будут существовать и развиваться. Монополизировать же экономику в целом в состоянии только глобальный финансовый капитал и пока этого не произошло говорить о завершении процессов разделения труда рано» (там же).

А потому утверждение М. Хазина, что «в рамках замкнутой экономической системы (не взаимодействующей с внешним миром), естественное углубление разделения труда может развиваться только до некоторого фиксированного уровня, дальше инновации перестают окупаться и научно-технический прогресс вначале замедляется, а затем останавливается» (<http://worldcrisis.ru/crisis/1060229>) – принципиально неверно, не замкнутость системы, а монополизация экономики является самым действенным ограничителем разделения труда.

Далее, «...развитие в рамках парадигмы НТП возможно только по мере использования механизмов снижения рисков производителей. Таких механизмов было изобретено всего *три* (выделено мной): кредитование производителя (риски частично передаются банковской системе), расширение рынков сбыта продукции (снижаются риски производителя в исходной экономической системе), кредитование потребителя (снижаются риски производителя за счет их перераспределения между другими участниками экономического процесса)» (там же). (Кстати, в другом месте утверждается: «Если посмотреть на историю капитализма, то там были два основных инструмента снижения рисков: расширение рынков (рынков сбыта и/или рынков приобретения ресурсов, которые позволяли снижать себестоимость производства в рамках старой системы) и перераспределение рисков» (<http://worldcrisis.ru/crisis/1276927>) – здесь механизмов снижения рисков всего *два*. Но и это ещё не всё. В <http://worldcrisis.ru/crisis/1204909> говорится: «Путь четвертый еще более интересен... и т.д.». Так сколько же путей, чему верить? Указанные несоответствия, разумеется, несущественны, но весьма показательны).

Но кредитование это, в первую очередь, механизм *стимулирования* производства и обмена, снижение же рисков это эпифеномен, экономическое следствие. К тому же нельзя

упускать из виду, что кредитование насколько снижает риски, настолько их и повышает, т.к. риск невозврата кредита определяется теми же самыми условиями, по которым снижается рентабельность. Поскольку же риски невозврата кредитов распространяются на обе стороны этого отношения – и на заёмщика, и на кредитора, то общий уровень рисков возрастает. Расширение рынков, т.е. увеличение спроса, также происходит, в основном, за счёт того же кредитования в форме стимулирования обмена. Так что снижение рисков (заметим – возможное снижение) это не условие кредитования производства и обмена, а его следствие. Тем более, что ещё не опровергнуто наблюдение Даннинга, приведённое Марксом в «Капитале»: «Обеспечьте 10 %, и капитал согласен на всякое применение, при 20 % он становится оживлённым, при 50 % положительно готов сломать себе голову, при 100 % он попирает все человеческие законы, при 300 % нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы». Как видим, при определённых вполне конкретных условиях риски для капитала ничего не значат, главное – прибыль. И если разделение труда этому способствует, то оно обязательно будет осуществлено.

Продолжим – «...рано или поздно, любая экономическая система приходит в состояние, когда в ней начинают выпадать из рентабельности отдельные звенья, причем их количество становится все больше и больше. Выходов тут есть два: либо расширять рынки (что возможно не всегда), либо - перераспределять риски во всей экономической системе, снижая рентабельность всех звеньев экономики, но обеспечивая рентабельность по наиболее критичным направлениям. Первый путь понятен, второй достигается либо планированием (государственным или частным - через финансовые механизмы), либо стимулированием частного спроса» (<http://worldcrisis.ru/crisis/1763699>).

Во-первых, изменение рентабельности есть процесс перманентный и происходит в результате появления новых продуктов, технологий и средств производства. Вследствие этого у производителей, развивающих новые производства, рентабельность повышается, у неторопливых – понижается. Ничего нового в этом феномене (понижении рентабельности) нет, ему сотни лет и до сих пор он был фактором, стимулирующим производителей обновлять и продукты труда, и средства производства.

Во-вторых, звенья, «выпадающие из рентабельности», из экономики элиминируются, сиречь ликвидируются – таков результат действия неумолимой конкуренции, иного не дано. Количество этих звеньев никого не интересует, поскольку подобные неудачники уходят с рынка и из экономики, давая место другим производителям, более успешным. Это перманентный процесс, то ускоряющийся, то замедляющийся. И какой же смысл в расширении рынков, либо в передаче рисков другим, более успешным производителям, если это делать ради неэффективных производителей? Как раз в этом последнем случае, при реализации подобной экономической политики, количество неэффективных производителей будет расти, поражая экономику в целом. Так зачем же гнобить всю экономику, если достаточно поддержать только «критичные направления», что гораздо проще и дешевле.

И, наконец, частный спрос, который авторы предлагают стимулировать, нерентабельным предприятиям не поможет. Частные покупатели обратятся, прежде всего, к успешным производителям – ведь они за счёт более высокой рентабельности могут предложить более низкие цены на ту же продукцию. Т.о. стимулирование частного спроса, по сути, сыграет роль дополнительного кредитования рентабельных производителей, оставляя не у дел нерентабельных. Не совсем понятно также, зачем связывать разделение труда и формы спроса – «сегодня очень тяжело (во всяком случае, я не встречал соответствующих работ) понять, где спрос, так сказать «естественный», а где искусственный, стимулированный <http://worldcrisis.ru/crisis/1763699>. Какая разница, какова причина спроса? В общественных отношениях обмена существует сам спрос, во многом определяющий величину прибыли, а не его причина.

Углубляясь в историю развития капитализма М. Хазин утверждает, что «на первом этапе развития капитализма, когда вокруг него была масса территорий с более архаичными

моделями развития, проблем с расширением рынков не было» (<http://worldcrisis.ru/crisis/1763699>).

Упование на архаическое окружение есть следствие некритически воспринятого вывода Р. Люксембург, что капиталистическое производство может реализовать прибавочную стоимость только за счёт привлечения денег из некапиталистического окружения. Неверность этого вывода рассмотрена в статьях, ссылка на которые приведена выше. Добавим только, что в окружающих архаических моделях 1. нет денег для больших объёмов покупок и 2. там не нужны технологичные и сложные товары, производимые в капиталистическом центре. Если же автор приведёт в пример колонии (например, Индию и Китай давних времён) из которых были вывезены огромные средства, то там имело место обычное ограбление под дулами орудий, лишь слегка прикрытое как фиговым листком видимостью обмена. Разумеется, это можно назвать расширением рынка, но, тем не менее, разделение труда в метрополии всецело определялось внутренними потребностями и условиями капиталистического хозяйства, а не возможностями грабежа.

Далее М. Хазин описывает кризисы, начиная с 1907-8 гг., и связывает их с тем, что сформировавшимся в их итоге системам разделения труда некуда стало расширяться. «Эти системы (по времени формирования: Британская, Германская и Американская) постепенно поделили между собой весь мир (то, что не поделили на тот момент не представляло экономического интереса) и стали серьезно ограничивать друг друга в рамках попытки дальнейшей экспансии» (<http://worldcrisis.ru/crisis/1763699>).

Но почему эти эмпирически наблюдаемые факты (возникновение систем), связывается исключительно с разделением труда, этим, хотя и важным, но далеко не решающим фактором капиталистического производства?

Развитие систем, подобных тем о которых идёт речь, происходит под влиянием внутренних факторов, на которые внешнее влияние оказывает, разумеется, деформирующее действие, но направление и формы развития определяются именно сущностью системы. Сущностью же капиталистической экономики (капиталистического производства) является получение возможно большей прибыли и указанные системы это не системы разделения труда, а системы разделения зон влияния соответствующих совокупных капиталов, в которых собственно разделение труда было идентичным. Именно сила определённых совокупных капиталов позволила им сформировать свои зоны влияния при общем им всем характере разделения труда.

Невозможно не обратить внимания также на следующую показательную ремарку: «В реальности, общей картины рынков тогда не было (банки были независимыми чисто коммерческими структурами)» (<http://worldcrisis.ru/crisis/1763699>).

Нет ничего более неверного, чем это утверждение. Странно, что мимо внимания авторов прошла очень глубокая, основанная на богатом фактическом материале, работа Р. Гильфердинга «Финансовый капитал». Мало того, что в ней тщательно проанализировано взаимоотношение участников капиталистической экономики, но выводы Р. Гильфердинга, совершенно логически следующие из его анализа, показывают, что роль банков к тому времени была вовсе не такой, какой её представляют авторы неоконномики (банки, к слову, *никогда* не были «независимыми чисто коммерческими структурами», – это относится и к «независимости», и к «коммерции», – достаточно вспомнить займы средневековых банкиров средневековым же монархам на политических условиях, а также финансирование ими всевозможных политических акций и войн, в т.ч. против России). Уже ко времени написания книги Р. Гильфердингом банки стали главным действующим лицом капиталистической экономики, что он логически и показывает в своей работе. Финансовый капитал – вот новое главное действующее лицо капиталистической экономики. Совершив *качественное* превращение из производственного в финансовый, капитал сменил и свою цель – отныне целью финансового капитала становится не прибыль, а власть, абсолютная власть (в доказательстве этого вывода Р. Гильфердинг весьма логичен, основателен и убедителен).

Но последуем дальше вслед за отцами-основателями.

«Необходимость расширения экономической системы для продолжения развития естественным образом приводит к концепции технологических зон - то есть крупных самодостаточных систем разделения труда, поддерживающих процесс углубления разделения труда за счет постоянного расширения. Термин «самодостаточная» в данном контексте означает, что экономическое взаимодействие между зонами сильно меньше, чем внутри их и не является принципиальным» (<http://worldcrisis.ru/crisis/1060229>).

До сих пор авторами неоконномики утверждалось, что для спасения экономики необходимо углубление разделения труда, а для последнего необходимо расширение рынков. Возможность расширения рынков авторы видят в возникновении «технологических самодостаточных зон», самодостаточность которых есть не что иное, как их относительная экономическая изолированность друг от друга.

Разберём их предложение более подробно. Что такое разделение общего рынка на почти изолированные зоны? Это резкое сужение наличного общего рынка, его, по сути, уничтожение. При этом существующие региональные (зональные) рынки резко сжимаются. Другими словами, авторы предлагают – с целью расширения рынков давайте эти самые рынки сузим. Сильно, однако... Несомненно, что предлагаемое авторами разделение рынков приведёт, по концепции самих же авторов, к столь же сильному сокращению возможностей разделения труда. Похоже на предложение с целью выздоровления сделать себе хакакири.

При этом авторы забыли о существующем, уже почти глобальном, финансовом капитале. Почти – потому, что управление им ещё не сосредоточено (не централизовано полностью) в едином центре. Исходя из сущности предложенной концепции разделения труда (о ней говорилось выше) нетрудно сделать вывод, что не производительный (промышленный) капитал управляет производством, а финансовый капитал управляет производительным и всеми его действиями.

Разделение же единой экономики на зоны будет её деградацией и, соответственно, деградацией финансового капитала. Допустит ли почти всесильный ныне финансовый капитал действия по своему ограничению, что чревато значительным ослаблением его власти? Вопрос риторический... Если же он решится на такие действия, значит видит для себя возможность своего последующего усиления вплоть до получения абсолютной власти. Здесь нужен дополнительный анализ.

Вывод, который, в итоге, делают авторы, следуя своей концепции, таков – «...рано или поздно, эффективность ряда отраслей (количество которых все время будет увеличиваться) начнет падать, причем независимо от проводимой экономической политики, позволяет сделать вывод: при капитализме кризисы бывают двух принципиально различающихся видов: циклические кризисы (которые в политэкономии называются кризисами перепроизводства) и некоторые другие кризисы, которые мы в рамках неоконномики назвали кризисами падения эффективности капитала.

Кризисы эти отличаются принципиально. Циклические кризисы хорошо изучены - и главная их особенность состоит в том, что выход из них осуществляется, в некотором смысле, автоматически...

Совсем другая ситуация с кризисами падения эффективности капитала. Прежде всего, поскольку они связаны с общими свойствами экономической системы, никакого автоматического выхода из них нет. Пока не будет предъявлен некоторый системный ресурс повышения спроса или перераспределения рисков, Например, расширение рынков» (<http://worldcrisis.ru/crisis/1763699>).

«В настоящее время идет четвертый кризис падения эффективности капитала и он может стать последним - если удастся найти новые механизмы экономического развития. Если нет - нас ждет возврат назад, в начало XX века, а то и дальше, распад мира на новые, региональные системы разделения труда и повторение истории XX века с их взаимной борьбой. Во всяком случае, такой получается вывод из нашей теории» (<http://worldcrisis.ru/crisis/1763699>).

Т.о., как утверждают авторы неоконномики, результатом невозможности дальнейшего углубления разделения труда будет разрастание кризиса капиталистической системы и распад глобализированного рынка на ряд относительно самостоятельных зон.

Наш анализ показал ошибочность (как минимум необоснованность) признания авторами фактора разделения труда как определяющего фактора развития капитала. Поскольку (об этом уже говорилось выше) процессы разделения труда не прекратятся до полной монополизации экономики, то о распаде глобального рынка на зоны говорить преждевременно. Следовательно, об ограничении разделения труда и кризисе капитала именно по этой причине говорить не приходится. Тем не менее, вывод о всеобщем кризисе капиталистического общественного отношения следует признать верным, но по совершенно иной причине.

Авторы неоконномики эмпирически нашли критический рубеж в развитии капитала – ему жизненно необходимо «найти новые механизмы экономического развития». До сих пор эти механизмы реализовывались посредством *возникновения новых форм* капитала (снятия прежних отношений в новых формах, на языке диалектики) – группового, разных форм акционерного, монополистического, финансово-промышленного и, наконец, высшей формы – финансового капитала (ещё раз напомним о работе Р. Гильфердинга).

Эта последняя форма, – финансовый капитал, – есть завершающая форма капитала (и капиталистического общественного отношения как такового), его предел, граница. Капитал в форме финансового капитала достигает своей истины, понятия и дальнейшего развития не имеет (этот вывод логически обоснован [здесь \(стр. 365\)](#)¹). Не берусь называть порядковый номер кризиса, возможно авторы неоконномики правы, считая его четвёртым, но то, что это последний кризис капитала (который будет длиться долго и, скорее всего, кроваво) можно утверждать вполне уверенно.

Наш *логический* вывод, сделанный в указанном выше источнике, полностью согласуется с выводом М. Хазина, полученным *эмпирическим* путём: «...современный капитализм закончился. Нынешний кризис — это кризис конца капитализма. У него больше нет ресурса развития. Развиваться далее в тисках капиталистической идеологии мир не может ...ключевым моментом является поиск нового механизма развития» (<http://worldcrisis.ru/crisis/1000041>). (Вывод М. Хазина назван эмпирическим, поскольку, как показал наш критический анализ, он получен без достаточных достоверных теоретических обоснований. И дело не в капиталистической идеологии, а в сущности капиталистического общественного отношения, в невозможности его снятия и принятия капиталом новых форм). Впрочем, гипотетически финансовый капитал может продлить своё существование на некоторое время ценой прекращения общественного развития как такового (более подробно в том же источнике, который был указан ранее).

В заключение надо сказать, что следует согласиться и поддержать мысль, высказанную М. Хазиным, что «...описать получающуюся картину ... оставаясь на чисто экономической платформе не получается. Категорически необходимо использовать и другие общественные науки - то есть, разрабатывать комплексную общественную теорию» (<http://worldcrisis.ru/crisis/1763699>).

Несомненно, что экономическая теория, не опирающаяся на фундаментальные теоретические разработки мировоззренческого уровня, – политэкономия и, более глубоко, философию, – как на логику, организующую мышление, не сможет вырваться из удушающих объятий эмпиризма и позитивизма.

03.2015

¹ http://up-stream.moy.su/load/analitika/kniga_dialektika_materialnogo_i_idealnogo_substancionalnyj_monizm_v_teorii_i_praktike/2-1-0-6.